

Глобальная политика глазами российской элиты

Анализ данных опросов 1993–2012 гг.

Эдуард Дмитриевич Понарин – ординарный профессор НИУ ВШЭ, заведующий лабораторией сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ

Борис Олегович Соколов – младший научный сотрудник лаборатории сравнительных социальных исследований НИУ ВШЭ

Резюме Мышление в терминах холодной войны распространено в высших кругах России, но это не столько фундаментальная характеристика, сколько разочарование от неудачной попытки войти в «первый мир»

Текущая ситуация на Украине практически никем не воспринимается как её внутреннее дело. И отечественные, и западные аналитики видят за происходящим на территориях непризнанных Донецкой и Луганской народных республик не просто выяснение отношений между сепаратистски настроенными жителями окраины и центром, но противостояние Соединенных Штатов (и в меньшей степени других стран НАТО) и России, едва ли не новый виток холодной войны. Эксперты, однако, расходятся во мнениях относительно причин кризиса.

Одни усматривают его истоки в росте экспансионистских настроений российской элиты. Наиболее радикальные сторонники данной позиции сводят все к имперским амбициям российского президента. Другая группа аналитиков указывает на значительную роль в эскалации конфликта на востоке Украины агрессивного курса США и НАТО. Постоянное расширение блока на восток и попытки контролировать внутреннюю политику ближайшего соседа России вызвали естественное противодействие Москвы. Указанные позиции различаются не только относительно того, «кто виноват», но и – «что делать»: вменение вины за развязывание конфликта автоматически определяет содержание взаимных претензий сторон и потому является ключевым аспектом при выработке стратегии деэскалации напряженности.

Выбор между двумя полярными точками зрения (равно как и компромиссной, возлагающей вину на обе стороны) во многом зависит от информации, доступной обозревателю. Традиционная внешнеполитическая аналитика, как правило, строится вокруг обезличенного понятия национальных интересов. Правительства рассматриваются как рациональные агенты, стремящиеся максимизировать выгоды в геополитической игре. Однако стандартизированные представления о том, как видят ситуацию непосредственные участники политического процесса – государственные деятели высшего ранга, дипломаты, военачальники, «капитаны индустрии» и ответственные за формирование и трансляцию соответствующей информации населению, – зачастую упрощают ситуацию.

Исследование российских элит американского политолога Уильяма Циммермана дает наглядное представление о том, что думают отечественные руководители о современной ситуации на международной арене и месте России в мире. С 1993 по 2012 гг. проведено шесть социологических опросов, респондентами которых выступили люди, занимающие высокие позиции в российском обществе. Участников можно разделить на семь групп: военные, представители медиа, деятели образования и науки, чиновники (представители исполнительной ветви власти), депутаты законодательных структур, занимающиеся международными отношениями (члены профильных комитетов в обеих палатах парламента), руководители госкорпораций и ведущие бизнесмены. Им задавались вопросы о приоритетах внешней политики России, основных средствах достижения ключевых целей на международной арене, внутренних и внешних угрозах национальной безопасности и т.д.

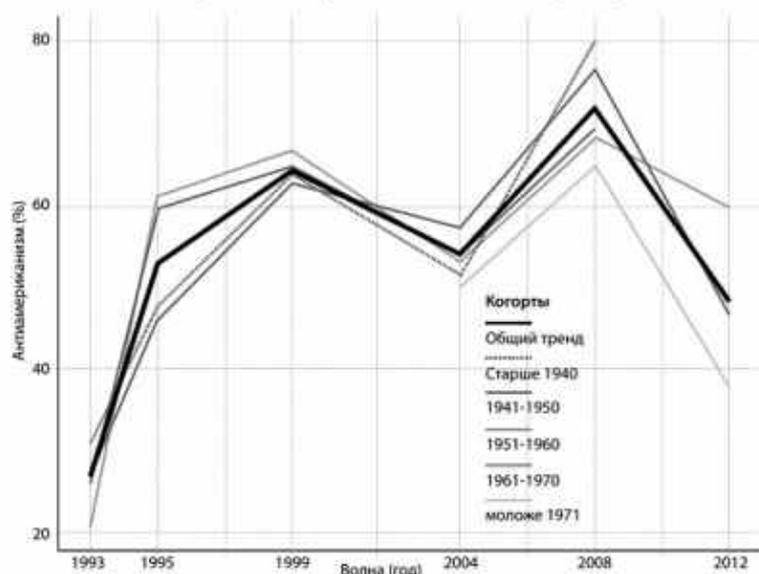
Применительно к текущей ситуации вокруг Украины наибольший интерес представляют взгляды российской элиты по следующим проблемам: российско-американские отношения, национальные интересы и эффективность различных способов достижения внешнеполитических целей, а также их эволюция с течением времени. Ниже представлены данные по ответам на три вопроса:

1) «Считаете ли вы, что США представляют угрозу для безопасности России?» Варианты ответа: да/нет.

2) «Существуют различные мнения о национальных интересах России. Какое из двух утверждений ближе к вашей точке зрения: а) национальные интересы России по большей части должны быть ограничены ее нынешней территорией; б) национальные интересы России по большей части простираются шире, чем ее нынешняя территория».

3) «Я зачитаю вам два высказывания о роли военной силы в международных отношениях. Какое из них ближе к вашему мнению: а) военная сила в конечном счете всегда будет все решать в международных отношениях; б) экономический, а не военный потенциал страны определяет сегодня ее место и роль в мире». Статистика показывает, что со временем все больше

График 1. Восприятие США как угрозы:
данные по пяти возрастным когортам и шести волнам опроса российских элит

Линии на графике отражают изменения процентной доли респондентов, считающих, что политика США представляет угрозу национальной безопасности России, по каждой когорте в отдельности. Жирным выделен общий тренд.

представителей российской элиты считают: политика Соединенных Штатов представляет угрозу для национальной безопасности (График 1). Настроения отечественного истеблишмента могут колебаться в зависимости от текущей ситуации – пики 1999 г. и 2008 г. отчетливо соотносятся с кризисами в российско-американских отношениях, вызванных конфликтом в Косово и российско-грузинской войной – но общий тренд не вызывает сомнений: в 1993 г. лишь четверть опрошенных видела в политике США угрозу национальной безопасности, тогда как даже в относительно «либеральном» 2012 г., когда еще не была окончательно свернута объявленная Медведевым перезагрузка, такие взгляды разделяла почти половина опрошенных.

Среди множества теорий, объясняющих происхождение антиамериканизма в России, наибольшей популярностью пользуются две: ситуативная и инструментальная. Согласно ситуативной теории, рост антиамериканизма в стране носит временный характер и связан с текущим состоянием отношений. Когда отношения обостряются, как было в 1999 г. или 2008 г., появляется негатив к оппоненту. Ситуативная теория подкрепляется данными массовых опросов, однако среди элит всплеск антиамериканских настроений произошел еще до событий, рассматриваемых экспертами в качестве катализаторов антиамериканизма. Резкий рост негативных установок по отношению к Соединенным Штатам среди элиты отмечается уже в 1995 году. Это можно связать с событиями боснийской войны, но они вспыхнули еще в 1992 г., и позиция Запада и США в частности была хорошо известна с самого начала. Тем не менее в 1993 г. большая часть российской элиты рассматривала Америку скорее как партнера, а не врага.

Сторонники инструментальной теории полагают, что неприязнь к Соединенным Штатам была искусственно сконструирована могущественными группировками для достижения конкурентных преимуществ в электоральной борьбе, а затем использовалась в модусе «идеологии осажденной крепости». Консолидация авторитарного режима обеспечивалась необходимостью противостоять внешней угрозе, которую увязывали с агрессивными империалистическими и якобы русофобскими действиями Америки. В пользу этой теории также можно найти эмпирические свидетельства. Если сравнить динамику изменения отношения к США истеблишмента и масс (График 2), то очевидно, что рост антиамериканизма среди элит опережает соответствующий тренд среди основной части населения. Вполне вероятно, что антиамериканизм в России действительно транслируется сверху.

Это, однако, не объясняет распространение негативного отношения к США среди самой элиты.

Инструментальное использование социальных настроений может вести к т.н. эффекту манипулятора: человек начинает верить тому, в чем убеждает других. Но в таком случае рост антиамериканизма среди элиты должен следовать за распространением антиамериканских взглядов по стране в целом, тогда как данные свидетельствуют об обратном. Это наводит на мысль том, что должна существовать какая-то иная, обойденная вниманием исследователей причина стойкого негативного отношения к Соединенным Штатам российской элиты. Как представляется, корректное альтернативное объяснение распространения антиамериканизма в России можно построить на основе идеи ресентимента, предложенной в работах Ли Гриффельд.

Само понятие «ресентимент» было введено Фридрихом Ницше в «Генеалогии морали». Изначально термин использовался для обозначения ситуации, при которой позитивная ориентация на некоторый объект, стремление к обладанию им сталкивается с невозможностью его обретения; в результате позитивное чувство трансформируется в отрицание ценности первоначальной цели. Гриффельд адаптирует концепцию ресентимента для того, чтобы объяснить распространение националистических идеологий в Европе в XVIII–XIX веках. С помощью этого понятия она обозначает феномен формирования негативных установок национальной элиты, а затем и масс, по отношению к какой-либо стране, прежде служившей образцом для развития. По мысли Гриффельд, эффект ресентимента проявляется следующим образом: в одной стране опыт реформ, произведенных в другой, сначала воспринимается как эталонный, но если заимствование этого опыта не приводит к достижению поставленных целей, то у населения развивается разочарование, перерастающее в агрессивную неприязнь к государству, бывшему ранее образцом. Особую роль в этом процессе играют элиты (в первую очередь интеллектуальная элита), которые сначала создают некий идеал, на который призывают равняться (Англия для французских интеллектуалов первой половины XVIII века, Франция для немцев времен наполеоновских войн и т. д.), а затем, по мере разочарования, переходят в оппозицию к своим недавним кумирам.

Похожее явление имело место и в постсоветской России. Крах надежд на улучшение социально-экономической ситуации с переходом от социалистической к рыночной системе, а также к новой форме правления сказался на отношении к США. Во время перестройки младшие поколения с оптимизмом смотрели в будущее; Америка была своего рода ориентиром для изменений в собственной стране. Кроме того, на волне эйфории, вызванной окончанием холодной войны, заокеанская супердержава воспринималась как будущий союзник и партнер, способный сделать многое для улучшения ситуации в России. Резкое снижение уровня жизни и ухудшение международного положения страны, вызванные реформами начала 1990-х гг., поубавили оптимизм сторонников демократии и рыночной экономики. Разочарование в первую очередь отразилось на отношении к Соединенным Штатам, которые, вопреки чаяниям адептов

График 2. Динамика отношения к США: сравнение элиты и масс (1993–2009 гг.)

На графике представлены как результаты опросов Цимермана за 1993–2012 гг., так и данные по общероссийскому уровню антиамериканизма, полученные в ходе совместного проекта Ричарда Роуза и «Левада-центра» «Новый русский барометр» за 1993–2009 годы. В рамках опросов «Нового русского барометра» респондентам задавался вопрос, практически идентичный по формулировке тому, который включен в анкету исследования Цимермана. Единственным отличием является то, что в «Новом русском барометре» (за исключением первых двух волн) предлагалось не два, а четыре варианта ответа: «нет», «скорее нет», «скорее да», «да». Для сравнимости двух шкал данные Роуза были перекодированы в бинарную переменную.

либеральной идеологии, практически ничего не сделали для того, чтобы привести Россию в «светлое будущее».

Рост недоверия и враждебности к США, который обнаруживают социологические опросы, стал естественным следствием крушения радужных надежд времен перестройки. Осознав, что Россия не оказалась в одночасье полноправным членом западного мира, что переход к демократии и рынку вызвал к жизни множество проблем, в решении которых западные партнеры не собирались помогать, что страна фактически превратилась из сверхдержавы во второстепенного актора международных отношений, многие представители российской элиты обвинили в этом Вашингтон. Неспособность соответствовать политическим и экономическим институтам западных демократий вызвала отторжение этих ценностей, равно как и страны, их олицетворяющей.

Соединенные Штаты не только не приложили особых усилий к тому, чтобы помочь России относительно безболезненно пережить реформы, но откровенно воспользовались слабостью бывшего соперника. Америка заняла место России в Восточной Европе (и не только там), став единственной в мире сверхдержавой. К тому же либеральные реформы, целью которых было не только сближение нашей страны с западным миром, но и преобразование политической и хозяйственной жизни самой России, сопровождались социально-экономической катастрофой.

Уже к 1995 г. большая часть российской элиты стала воспринимать США как угрозу безопасности и порядку в России (как раз на это время пришелся первый этап расширения НАТО на восток, а ВВП России приблизился к минимуму). Но это ощущение еще не переводилось на уровень политики. Более того, поскольку люди во власти зависели от той идеологии, которая к власти их привела, по телевизору продолжался разговор о «возвращении в семью цивилизованных народов». Вследствие этого антиамериканизм масс, зависевших от информации, преподносимой СМИ, значительно отставал от ощущения элит. Однако финансовый кризис 1998 г. окончательно похоронил надежды на то, что либеральные реформы повысят благосостояние. Косовский кризис и бомбардировка Белграда самолетами НАТО в 1999 г. со всей очевидностью продемонстрировали, что Россия утратила статус державы, с которой нужно считаться. В этот момент разочарование верхушки достигло такой степени, что выплеснулось на экраны телевизоров. В результате антиамериканизм широких слоев населения стал подтягиваться к уровню элит.

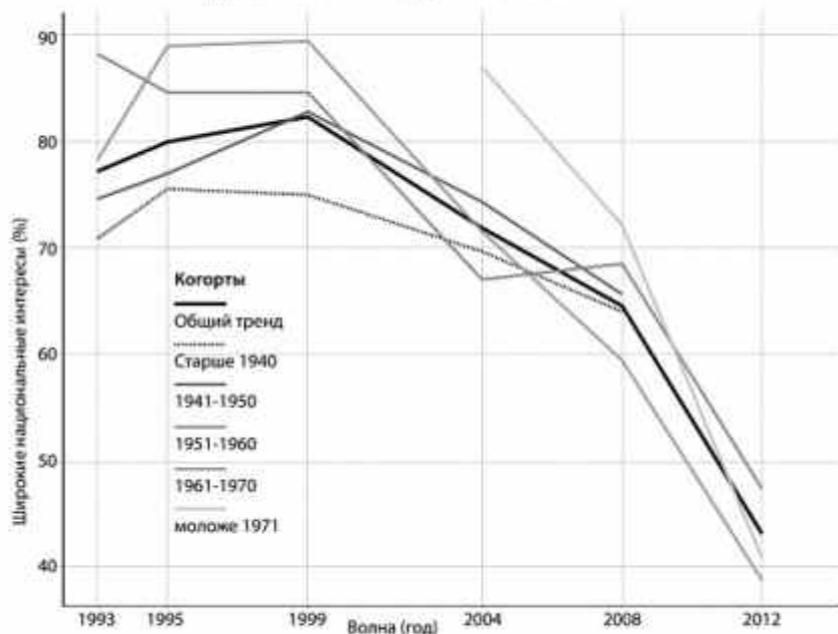
Распространяясь на массовом уровне, антиамериканизм стал самостоятельным фактором внутренней политики. Те политические силы, которые пытались его игнорировать (например, «Яблоко»), исчезли с политической арены. Остальные с разной степенью искренности отвечают на запрос, тем самым поддерживая установившиеся в обществе настроения. Младшие поколения, выросшие в относительно благополучные нулевые годы, были изначально более спокойно настроены к США, тем более что на место «значимого другого» претендовали мигранты. Но

каждый новый кризис в международных отношениях, один из которых мы сейчас наблюдаем в связи с Украиной, втягивает российскую молодежь в русло антиамериканских настроений.

Кризисы консолидируют и народ, и элиты, которые сплачиваются перед лицом внешней угрозы. Тем самым антиамериканизм в России приобретает инструментальное измерение, которое год от года становится все более значимым фактором при выработке внутри- и внешнеполитического курса.

Готовы ли, однако, российские власти пойти дальше, чем просто использовать образ агрессивной Америки в качестве пугала, позволяющего канализировать негативные настроения россиян и избежать серьезных внутривнутриполитических

График 3. Определение сферы национального интереса России: данные по пяти когортам за 1993–2012 гг.

Линии на графике отражают изменения процентной доли респондентов, выбравших «расширенную» трактовку национальных интересов, по каждой когорте

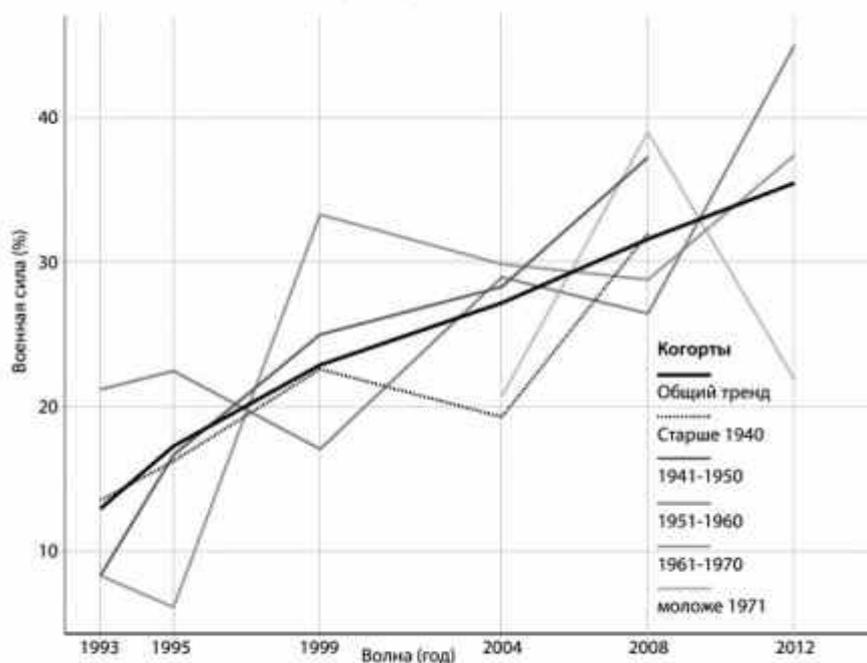
потрясений, и перейти к открытому противостоянию с Соединенными Штатами? Согласно мнению, распространенному среди западных экспертов, российскому правящему классу свойственны экспансионизм и имперские амбиции. Фактические данные, однако, не вполне согласуются с подобной интерпретацией. Напротив, со временем все меньше людей среди тех, кого можно причислить к власти имущим в России, полагают, что страна должна вовлекаться в большие имперские проекты в дальнем, а в последнее время – даже в ближнем зарубежье. Если в начале 1990-х гг. за активную внешнюю политику выступало почти 80% респондентов опросов элит, то в 2012 г. таких было всего 43,8% (График 3). Если посмотреть на то, как мнения по этому вопросу распределяются в различных профессиональных группах внутри элиты, то наибольшей поддержкой «широкая» трактовка национальных интересов пользуется среди представителей законодательных органов (64%), медиаструктур (57,4%), а также деятелей науки и образования (61,3%). Наименьший процент сторонников экспансионистской внешней политики наблюдается среди бизнес-элиты (23,5%) и, что очень неожиданно, среди военных (28,6%). Правительственные чиновники и высокопоставленные сотрудники госкорпораций также склонны ограничивать сферу национальных интересов страны ее границами. Объяснением этого парадоксального наблюдения может служить тот факт, что образование и культура, медиапространство и законотворческие институты являются сегодня наиболее идеологизированными сферами общественной жизни, в то время как представители тех правительственных структур, которые так или иначе связаны с международными отношениями, склонны в большей степени руководствоваться соображениями *Realpolitik*.

Подобная интерпретация, в частности, подтверждается тем, что респонденты, принадлежащие к группе «медиа», несмотря на свою приверженность широкой концепции национальных интересов, убеждены, что на международной арене решающую роль играет «мягкая сила» (так считают 85,3%). Наибольшее (по сравнению с другими профессиональными категориями, фигурирующими в опросе) значение вооруженным силам придают военные и представители исполнительной ветви власти: 70,6% и 45,5%, соответственно.

Вместе с тем из приведенных данных не следует, что российская власть смирилась с положением второстепенной державы. Эти цифры лишь означают, что средний эшелон власти все больше представлен людьми, в глазах которых внутренняя политика и дела ближнего зарубежья имеют большее значение для российских национальных интересов, чем претензии на глобальное лидерство. Неясно, однако, является ли этот тренд признаком «прагматизации» и отхода от «романтической» имперской риторики. В любом случае, даже в 2012 г. от 40 до 50% (в зависимости от возрастной категории) представителей элиты придерживались «широкой» концепции национальных интересов. Причем среди старших возрастных категорий (занимающих в общем случае более высокие должности) подобные взгляды были распространены в несколько большей степени. Следует также учитывать, что респондентами опроса Циммермана являются люди, представляющие условно среднюю группу элиты; те, кто сейчас принимают основные внешнеполитические решения, по понятным причинам труднодоступны для ученых-социологов.

Тем не менее все меньше и меньше людей в элите продолжают мыслить роль страны на международной арене в терминах глобального лидерства. Число уверенных, что именно военная сила является решающим фактором международных отношений,

График 4. Роль военной силы в международных отношениях: данные по пяти когортам российской элиты за 1993–2012 гг.

Линии на графике отражают изменения процентной доли респондентов, считающих, что военная мощь играет решающую роль во внешней политике, по каждой когорте

напротив, увеличивается. В 1993 г. таких было 12,3%, а в 2012-м – уже 35,4 процента (График 4). В каких случаях использование военной силы может быть оправдано в глазах элиты? Для понимания нынешней ситуации важную роль играет следующее наблюдение: в 2012 г. большая часть опрошенных была согласна с тем, что войска можно использовать для защиты интересов русскоязычного населения в странах бывшего СССР. Процент рассматривающих угнетение русскоязычного населения как повод для военной интервенции сопоставим с долей тех, кто полагает допустимым использовать силу по таким поводам, как защита экономических интересов страны или поддержание баланса сил с Западом: 68,9% против 70,6% и 69%, соответственно – хотя здесь и не наблюдается такого единогласия, как в вопросах защиты территориальной целостности и национальных интересов (>99% в обоих случаях).

Данные свидетельствуют, что в большей степени правы аналитики, указывающие на роль агрессивной политики Запада в развязывании текущей конфронтации. Российская элита действительно недружелюбно относится к США – но эта нелюбовь во многом вызвана политикой Америки и Запада в целом в отношении России: пренебрежение, игнорирование национальных интересов, откровенно оскорбительные для национального престижа русских агрессивные акции против их союзников и партнеров, манера обходиться с Россией как с побежденной – вовсе не этого ожидали отечественные лидеры от перестройки и окончания холодной войны.

Подобное отношение привело к тому, что антиамериканизм стал неотъемлемой составляющей мировоззрения правящих кругов Российской Федерации. Однако данную разновидность антиамериканизма не стоит рассматривать как фундаментальную идеологическую характеристику российского истеблишмента; это всего лишь обида, которая могла бы со временем пройти. Спад антиамериканских настроений среди элиты в 2012 г. показывает, что Америка вовсе не была абсолютным злом в глазах среднего эшелона власти. Конфликт не был неизбежен и с учетом того, что элита все более и более укреплялась во мнении, что страна не должна преследовать глобальные геополитические цели. Все больше представителей правящего класса соглашались, что сфера национальных интересов ограничивается непосредственно пограничными территориями. Хотя эти люди относились скорее к среднему властному эшелону, с течением времени они плавно перешли бы на руководящие позиции и строили внешнюю политику исходя из собственных убеждений, тогда как нынешние «ястребы» постепенно утрачивали бы силу.

Обострение ситуации на Украине и последующий кризис в российско-американских отношениях значительно снизил вероятность реализации подобного сценария.

Нынешний всплеск «экспансионизма» и «реваншизма», однако, вовсе не был неизбежным или даже ожидаемым. Хотя ряд высших должностных лиц, включая президента Владимира Путина, делали заявления, которые можно было бы интерпретировать как намерение восстановить СССР или просто расширить сферу влияния Москвы, такие декларации редко подкреплялись реальными действиями. Даже создание Евразийского экономического союза вряд ли может рассматриваться как попытка собирания земель – так как политической независимостью ни одна из стран-участниц не делится. Интеграционные процессы на постсоветском пространстве вполне соответствуют общемировым тенденциям к унификации правового поля, регулирующего экономические взаимодействия в рамках крупных географических регионов. Налаживание тесного сотрудничества с сопредельными государствами вовсе не означает, что высшие должностные лица России грезят возрождением империи; подобное утверждение требует строгого доказательства, пока еще никем не предоставленного. С неменьшим основанием официальная риторика может рассматриваться как попытка сыграть на соответствующих чувствах населения и обеспечить политическую стабильность.

Последние данные, доступные в рамках исследования Циммермана, датируются 2012 годом. Можно с солидной долей уверенности утверждать, что в текущий момент число представителей элиты, полагающих Соединенные Штаты враждебным государством, значительно выросло, равно как и число «ястребов». Так, массовые опросы показывают, что в 2014 г. антиамериканские настроения в России резко усилились. «Левада-центр» сообщает, что в мае нелюбовь россиян к американцам достигла исторического максимума: 71% граждан России заявили, что плохо относятся к Соединенным Штатам, тогда как в начале 1990-х гг. таких было меньше 10 процентов. Учитывая, что уровень антиамериканизма среди элит в предшествующие два десятилетия был выше, чем в среднем по стране, можно предположить, что людей с проамериканскими взглядами (по крайней мере готовых заявить о своих убеждениях публично) наверху осталось немного. Наверняка увеличилось среди элиты и число сторонников экспансионистской политики, и число «ястребов», полагающих, что основным инструментом разрешения международных споров является военная сила.

Анализ данных, полученных в ходе опросов российской элиты, позволяет сделать следующие выводы. Большая ее часть считает американскую внешнюю политику вызовом национальным

интересам. США являются не просто бутафорским монстром, «врагом» для внутреннего потребления, но действительно воспринимаются многими высокопоставленными русскими как прямая и явная угроза. В глазах самой элиты подобное отношение не в последнюю очередь вызвано действиями американского правительства. Вместо того чтобы способствовать скорейшей интеграции России в мировое сообщество (как того ожидала отечественная элита), американцы воспользовались временной слабостью основного конкурента для достижения локальных геополитических целей и не предприняли никаких попыток сгладить огромные экономические и репутационные издержки, понесенные Российской Федерацией в ходе реформ.

Тем не менее, хотя биполярное мышление в терминах холодной войны достаточно распространено среди представителей высших кругов российского общества, оно не является фундаментальной характеристикой их мировосприятия, а в большей степени диктуется обидой и разочарованием от неудавшейся попытки вхождения в «первый мир». Однако каждая последующая конфронтация между Россией и Америкой укрепляет данный тип мышления и способствует все большему его распространению, в результате чего власть ради сохранения поддержки – как на уровне элит, так и на уровне масс – вынуждена проводить все более жесткую внешнюю политику.

Российская элита не претендует на глобальное господство. Вместе с тем она рассматривает ближнее зарубежье как естественную сферу национальных интересов. Не вызывает сомнений, что нынешние российские лидеры готовы использовать вооруженную силу для защиты интересов страны, в том числе и на территории сопредельных государств. Является ли подобная позиция угрозой для кого бы то ни было или просто отражает естественный ход мыслей любой национальной элиты – вопрос другого рода. Однако это необходимая вводная информация, которую должен учитывать любой партнер – или оппонент – России при начале переговоров по выходу из кризиса и выстраивании конструктивной линии межгосударственных отношений.